

**Международный симпозиум
«Музыказнание сегодня и наследие
М.С. Друскина (1905 – 1991)»
К 100-летию со дня рождения**

Людмила Ковнацкая

**Слово о
М.С. Друскине***

В этом зале множество людей, хорошо знакомых с Михаилом Семёновичем, — тех, кто у него учился в разные десятилетия и находился в разной мере приближенности к нему. Общение с М. С., даже крайне редкое, предельно насыщало и остаётся в памяти на всю жизнь.

Начни мы сейчас вспоминать М. С., мы все говорили бы примерно в одной и той же тональности, со сходным чувством абсолютной невосполнимости этой личной утраты для каждого из нас — общение с М. С. упрочивало «жизненный стержень» (он любил это слово «стержень» применительно к характеру, к личности). Мы испытываем чувство невосполнимости этой утраты для всех нас, нашего профессионального сообщества, потому что М. С. стал и профессиональным, и моральным авторитетом, каким было невероятно сложно быть в условиях жесткого идеологического давления тоталитарного режима и цепкого цензурного контроля.

* Текст вступительного слова на концерте памяти М.С. Друскина в Доме композиторов 25 января 2005 года.

Его одобрения и благословения своим трудам, делам и поступкам желали очень многие разноудаленные от него коллеги и ученики его коллег, потому что его одобрение служило гарантией профессионализма и нравственного отношения к делу и к жизни. Это чувство пережили мы все без исключения. В его поддержке было нечто нас возвышающее, можно даже сказать иррационально великое. Вспомню, как ждала Е.М. Царева отзыва М. С. на ее книгу об Иоганнесе Брамсе, представленную к защите в качестве докторской диссертации. М. С. был в то время уже тяжело болен, и этот отзыв, написанный патриархом брамсоведения вопреки своему состоянию, стал последней страницей, которую он написал. Возможно, его, подтолкнуло к тому признание Екатерины Михайловны, которое я поспешила передать М. С.: «Понимаете, если М. С. сможет написать хоть пару слов, у меня будет чувство, будто сам Брамс меня благословил».

Приглашение быть оппонентом на защите ученика М. С. воспринималось коллегами профессора не как обязанность, а как привилегия — прекрасный повод приехать в Ленинград и пообщаться с научным руководителем, с М. С...

Мы все, говоря о М. С., справедливо называли бы его классиком отечественного музыковедения, мэтром всеобщей истории музыки (долгие годы он был единственным среди консерваторской профессуры с такой ВАКовской квалификацией), автором трудов узко-профессиональных в широчайшем диапазоне полей деятельности (от революционного фольклора и старинной европейской клавиристики до современного композиторского творчества и историографии музыки) — трудов, по которым потомки смогут непредвзято обозначить продвижение, путь и прогресс советского музыкознания вглубь и вширь.

Мы все говорим о М. С. как об ученом, педагоге и Учителе, которым необыкновенно гордились и гордятся его ученики, кто вплоть до своей старости счастлив сказать о себе: «Я — ученик М.С. Друскина». Мы признавались бы в том, что М. С. не подавлял, но воспламенял ученика и собеседника, высвобождал некие скрытые возможности — во время и после общения с Учителем мы становились ярче, убедительней, талантливее.

Есть педагоги, о существовании которых узнаешь только в стенах учебного заведения, а есть такие, о которых знаешь задолго до поступления. М. С. был легендой, и его имя было притягательным для молодежи задолго до встречи с ним. Сам он любил смешную историю, которая приключилась в сентябре 1973 года. Тогда огромная музыковедческая делегация из Москвы и Ленинграда десантировалась в Ташкенте, и к каждому из маститых был прикреплен для персональной опеки студент. Прелестная девушка подскочила к М. С. с вопросом: «Вы Шнеерсон?». М. С., ответил: «Нет, я Друскин». «Ой! — учебник!» — студентка воскликнула благоговейно. М. С. «горько» резюмировал: «Вот так, пишешь-пишешь всю жизнь книги и статьи, а остается — “учебник”». Но, конечно же, не только учебник, многократно переизданный и переведенный на иностранные языки, но также Стравинский (от «Диалогов» до монографии), Веберн и Шёнберг в статьях о них, Бах в огромном развороте этой темы (от перевода и издания Швейцера в 60-е годы,

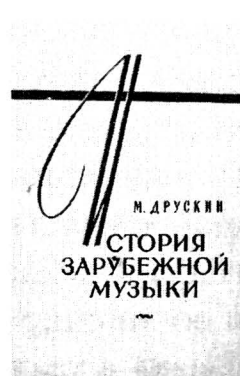
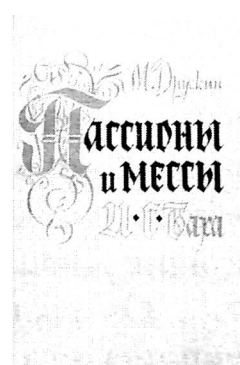
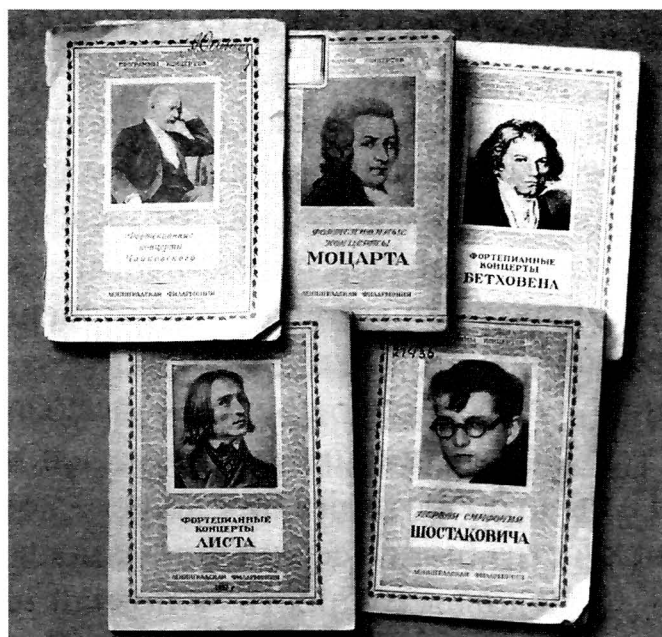
когда философские труды Ш. вообще не публиковались, до собственной монографии) — всё добавляло его имени легендарности. Также и потому, что его труды все без исключения шли к читателю тернистой дорогой — через идеологические препятствия и цензурные запреты; подчас они расходились в машинописных копиях, в самиздате, и читались до выхода в свет (особенно широкое хождение имела книга о Стравинском). Мы все не упустили бы возможности упомянуть его поразительный гуманитарный кругозор и фантастическую эрудированность, которые в сочетании с постоянными интенсивными чтением и размышлениями, научной интуицией и литературным талантом приносили столь высоко оригинальные и плодотворные труды.

Мы сопоставили бы исключительную внутреннюю дисциплину, мощную структурирующую логику и свободу, вольность его мысли. Аристократический артистизм и властную силу внушения его слова.

И, конечно же, — мудрость. Знание людей и поразительное умение предугадывать и предсказывать их поведение — впрочем, как и логику исторических событий, кажущихся алогичными, — нас даже не удивляло, мы к этому привыкли. Вот почему М. С. был остро востребованным советчиком множества людей.

Мы, наконец, вспомнили бы и о том, что понятие справедливости было ключевым в его поведении: невозможно представить себе М. С. гонителем талантливого молодого музыковеда, какие бы обстоятельства и резоны тому ни сопутствовали. Коллега Климовицкий вспоминает, как его, ученика Ю.Н. Тюлина, на вступительных экзаменах в аспирантуру самым решительным и решающим образом поддержал М. С., чьи собственные ученики были конкурентами абитуриенту проф. Тюлина. Подобным примерам нет числа. А часто ли могло и может случиться такое, что старейший ученый снимает с издательского плана свой труд (в случае М. С., то был юбилейный сборник статей), дабы уступить дорогу и место труду молодого коллеги — как то произошло с книгой «Стравинский — публицист и собеседник», подготовленной тогда малоизвестным молодым москвичем Виктором Варунцем?..

Таким его видим и помним МЫ.

Каким же САМ Михаил Семёнович видел себя?

М. С., чье чувство собственного достоинства не могло оставаться незамеченным, был предельно к себе требователен и критичен. Будучи до мозга костей русским интеллигентом, он не просто обладал, но страдал рефлексией. Он часто ревизовал свою жизнь и не желал прощать себе решительно ничего. Его нравственные оценки были твердыми, несгибаемыми в отношении себя, решения, которые приходили в результате подчас мучительных размышлений — о себе или о других — безвозвратными.

Он бывал замкнут и отчужден, что иногда трактуется как высокомерие. То было оборотной стороной его замечательного дара общительности и его искусства быть в сердцевине коллективного общения.

Вековая мудрость — познай самого себя прежде иного постижения жизни — свойственно Михаилу Семёновичу в высокой степени. С годами самопознание становилось всё более глубоким и напряженным.

Годами М. С. вглядывался в себя юного, молодого, зрелого, пытаясь найти сущностные различия с собою нынешним и сущностное единство, инвариант или, как он говорил, ядро своей личности. Он называл себя *«этот молодой человек»*, дистанцируясь от себя же разных возрастов и стадий жизни.

Он разглядывал свои школьные годы в гимназии Лентовской, где учились его старший брат Яков Семенович, которого мы знаем как выдающегося философа-экзистенциалиста, и его сестра Лидия Семеновна, физик-экспериментатор и издатель трудов старшего брата, видная участница нынешних литературоведческих дискуссий об обэриутах-чинарях. М. С. говорил об огромной роли в своей жизни школьного педагога по литературе Георга, которого также любил вспоминать соученик М. С. — Дмитрий Сергеевич Лихачев. Из одноклассников с ним дружнее всех был Александр (Шурка) Введенский, будущий поэт, который привел за собой в дом Друскиных писателя и философа Леонида Липавского (псевдоним — Савельев) и Даниила Ивановича Хармса, чей архив в блокаду спас и сохранил Яков Семенович.

Забывтые самим М. С. эпизоды его молодости нередко его приятно удивляли — как, например, его участие в 1926 году в рукописном журнале группы ссыльных эсеров, переведенных из Соловецкого лагеря в Краснококшайск. «Сущность современной музыки» — единственная статья не-ссыльного (в этом единственном выпуске журнала с символическим названием «У окна» участвовала родственница жены М. С., погибшая в лагере в 1936 году). Согласимся: это поступок большого мужества. Или же компоновка и сочинение музыки к спектаклю Введенского и Хармса «Моя мама вся в часах» в театре «Радикс» (событию содействовал Казимир Малевич). Эти эпизоды его радовали.

«Сейчас я, уходящий из жизни, не могу понять себя, входившего в нее: как сочетались во мне (да и не только во мне!) столь разнородные элементы? <...>

Чего греха таить, на своем раннем жизненном этапе я был изрядно избалован успехом. <...> Были у меня, конечно, и неприятности, но я их ощущал только в личном плане, т<о> е<сть> вне контекста общей социальной структуры.

<...> не было главного: активного неприятия действительности, конфронтации с режимом.

Прозрел я сравнительно поздно — по возвращении из Германии. (имеется в виду 1932 год, когда М. С. вернулся от Шнабеля). *Скорее не прозрел, а протрезвел.* <...>

Я стал другим — тем, кто мне сейчас несимпатичен».

Мало кто обладает мужеством так говорить о себе, без идеализации, романтизации, жестко критично. А вообще-то, стоило ли вспоминать об изжитом, искорененном в себе?! Ведь совсем неслучайно М. С. для всех нас и для многих в музыкальном сообществе был нравственным авторитетом.

Встреча с собою молодым, самоидентификация — частый сюжет его раздумий и снов, один из которых М. С., следуя за привычкой старшего брата, Я. С., записал в апреле 1985 года как некий сюжет. Вот он:

«Он, старший, встречается себя, младшего. Встреча должна быть неожиданной: в купе ж<елезно>-д<орожного> вагона, на общественном приеме, etc. Желательно на людях. Старшему 60 – 70, младшему 30. Старший узнал себя младшего. Младший мог и не узнать (неужели я буду таким?). Неловкое молчание. Ничего не значащие фразы (вроде: как живешь, что делаешь). Расспросы не профессиональные, а кто ты есть. Недомолвки. Взаимное разочарование. (Я — не ты. Ты — не я.) Непонимание на грани катастрофы. (Не хочу себя признать в тебе, не хочу придти к тому, к чему ты пришел.) <...>

Я не хочу такой встречи. Лучше не быть, чем ее пережить».

М. С. глубоко интересовала легальная сторона жизни интеллектуала, который не подвергался физическим репрессиям, но жил под гнётом духовных репрессий. Сейчас мы называем подобную жизнь внутренней эмиграцией.

«"Не высказывать того, что думаешь, — это все равно, что ходить с вспученным животом". — Так сказал один древний японский мудрец (прочел у Кэнко-хоси). Десятилетиями ходил «со вспученным животом». Правда, в личных беседах — прямо или косвенно — высказывался, но то, о чем думал, не записывал. Либо смелости не хватало, либо — времени. Теперь же время пришло и есть возможность сосредоточиться. Потому и пишу. И еще вот почему: «Если жизнь длинна, много наберешься стыда». — Это слова китайского мудреца, основателя даосизма. За свою долгую жизнь испытал много стыда. Пишу, надеясь хоть частично от него избавиться».

Блистательный аналитик общественной жизни и исторически детерминированной человеческой психологии, М. С. испытывал в результате аналитического дискурса то, что называл латинским выражением *Taedium vitae* (*отвращение к жизни*). Рассчитываясь с собою и выводя общие закономерности жизни и бытия, он цитировал маркиза де Кюстина: «*Чтобы жить в России, скрывать свои мысли недостаточно — нужно уметь притворяться. Первое полезно, второе необходимо*».

«Как объяснить тому, кто не пережил это, сколь мучителен интеллектуальный голод. Паёк, скудно отпускаемый властью, только разжигает аппетит. Будь то печатное слово или музыка, театр или зрелище, знакомство с нравами и людьми, — нездешними, зарубежными, — обо всем, что вправе тебя интересовать, узнаешь сквозь сито цензуры, будто подглядываешь через замочную скважину. Трудно выбраться из омота, в который погружен, —

Олово, всюду олово.

Олово белесое, олово».

М. С. записывал свои размышления на длинных полосках бумаги — это своего рода дневниковые заметки, максимы, афоризмы и краткие эссе. Нередко их темы варьировались в письмах к самым близким корреспондентам. Долг, долженствование, порядочность, ответственность, стыд, совесть, комплекс вины, эгоизм любви, нравственный барьер, переживание и со-переживание, добро и зло, противостояние системе — вот лишь некоторые, но постоянные темы рассуждений М. С. Из опыта самопознания вырастал опыт человековедения.

«Когда пишешь из-за внутренней потребности письменно высказаться, самый процесс обдумывания и письма может способствовать попытке проникнуть в ядро своей личности».

Приведу характерное рассуждение из письма к Мирре Мейлах. Речь идет о способности со-переживать, которая проявляется полно, если человек не проникнут эгоистической жалостью к самому себе.

«... тот, кто жалуется на перипетии своей личной жизни (кроме, естественно, объективно возникших неурядиц, невзгод и пр.), не вызывает у меня сочувствия.

Жалующийся жалеет самого себя — он будто любит себя своими “переживаниями” — вот, мол, какой я хороший, глубоко чувствующий, страждущий. <...> Жалей не себя, а других!

К собственному страданию (в том числе физической боли) следует относиться словно со стороны — соблюдать к нему дистанцию. Тогда я одновременно и субъект и объект страдания.

Что положено, то положено — испей данную тебе чашу, а мне, страждущему, лишь надлежит соразмерить свои силы.

<...> Тогда (в идеале) отпадает потребность жалости к самому себе — этому дурному следствию себялюбия.

... По моим наблюдениям, человек — самый скоропортящийся продукт. И портится он, по-моему, прежде всего из себялюбия, которое одновременно — источник болезненного самолюбия, ранимого комплекса неполноценности, суетного тщеславия и прочих тлетворных бактерий, разлагающих этот “продукт».

PHILHARMONIE
 Bernburger Str. 22a-23   Dienstag, den 12. Januar 1932   Bernburger Str. 22a-23

Tschaikowsky-Abend
Strawinsky
des Philharmonischen Orchesters
 Leitung: **Prof. Julius Prüwer**
 Solist: **Michaël Druskin**

Ouvertüre-Fantasie „Romeo und Julia“ I. P. Tschaikowsky
 Concerto für Klavier mit Bläserchester II. Strawinsky
 Sinfonie Nr. 4 F-moll op. 36 II. P. Tschaikowsky

Konzerthof: C. BECHSTEIN

Anfang 8 Uhr   Eintritt 2 Mark

Abendkonzert des Philharmonischen Orchesters
 Leitung: Prof. Julius Prüwer, Solist: Michaël Druskin
 Konzertprogramm: Ouvertüre-Fantasie „Romeo und Julia“ I. P. Tschaikowsky, Concerto für Klavier mit Bläserchester II. Strawinsky, Sinfonie Nr. 4 F-moll op. 36 II. P. Tschaikowsky
 Sonntag den 13. Januar, Abend 8 Uhr: Konzert des Philharmonischen Orchesters
 Leitung: Prof. Julius Prüwer, Solist: Michaël Druskin

Вне всякого сомнения, главным делом М. С. было человековедение. Именно так — в шутку и всерьёз — говорил он. Наверное, потому такими «живыми», предстают на страницах его книг и статей Шёнберг и Эйслер, Брамс, Бах и Стравинский (мне приходилось публиковать письма к М. С. сына композитора Федора Игоревича Стравинского и близкого друга композитора Петра Петровича Сувчинского, в которых оба говорят о

том, сколь поразительно проникновение М. С. в суть личности И. Ф. Стравинского (оба корреспондента поражались тому, что, не общаясь с И. Ф. изо дня в день, М. С. столь точно, глубоко и полно ощущал характер и личность великого композитора).

Всем, кто имеет представление о наследии М.С. Друскина, будет удивительно узнать, как М. С. оценил себя и свой вклад: *«... подводя итог, ощущаю горький привкус. Мне кажется, что как личность я больше, нежели как музыковед. Не отрицаю, что в лучших работах ощущается отпечаток личности, но знаю: полностью выявить то, что вложено в меня (т. е. выполнить предназначённую мне в жизни задачу) я не смог. Отсюда осознание несовершенства содеянного мной»*. Так записал 78-летний М. С. в 1983 году. Как видите, он судил себя не по относительным критериям, а по абсолютным, и даже не по гамбургскому счёту, а предвидя Высший Суд.

В биографических и энциклопедических статьях о Друскине его жизнь справедливо предстает лестницей творческого восхождения, восхождения триумфального — к вершинам мастерства и широкому общественному признанию. Он окружён сонмом учеников, которые ощущали свою причастность к нему как привилегию и счастливый жизненный шанс; он в содружестве с замечательными композиторами всех поколений (от 20-х до 80-х годов), высоко ценившими его мнение, искавшими его совета; он во взаимодействии с талантливыми исполнителями — его современниками; он мудрый, всепонимающий друг-исповедник друзей-коллег. При всём этом, что действительно было, М. С. чувствовал себя экзистенциально одиноким. Невероятной силой, присущей его личности, его натуре, он преодолевал не только внешнее давление — идеологический террор, но и внутреннее — самого себя, себя в себе, дабы вновь и вновь распрямляться, или, как он сам сказал, *«распрямлять пружину модуля своей личности»*. В этом я вижу высокий трагизм его личности и его бытия.

Сейчас, когда ученики М. С. и его младшие современники состарились, и сами стали крупными педагогами, учеными и общественными деятелями, всемирно признанными композиторами и исполнителями, важно узнать и понять, что же осталось в их душе от общения с Учителем. (Я прочитаю несколько кратких фрагментов из также кратких мемуаров, точнее всего было бы сказать — СЛОВ о М. С., что будет опубликовано в *Музыкальной Академии* № 1 или № 2 за 2005 год.)

Е.А. Ручьевская (Санкт-Петербург)

С уходом Михаила Семеновича в 1991 году (он считал обратимое число особо значительным – оно оказалось для него гибельным) в моей жизни образовалась некая пустота. Но я благодарю судьбу за радость общения и незабываемое ощущение опоры и защиты, которое всегда сопутствовало в моем отношении к человеку, чье столетие музыканты отмечают в этом году.

Иван Хлеббаров (София)

Я был блажен – на все годы, через все невзгоды, у меня был Наставник: Михаил Семенович. Я часто перечитываю его письма, будто получил их сегодня. Для меня они дополняют его книги, в которых я видел пути в будущее.

Н.А. Герасимова-Персидская (Киев)

Всем своим обликом, манерой держаться Михаил Семенович свидетельствовал об элегантности и изысканности – как внешней, так и внутренней. Это был истинный джентльмен – всегда и везде, будь то на публике или в домашней обстановке. Как же хотелось бы вернуться в те годы, когда Михаил Семенович концертировал или хотя бы увидеть, услышать в записи какое-нибудь из его концертных выступлений!

Гия Канчели (Антверпен-Тбилиси)

А если мысли мои бывают обращены к Михаилу Семеновичу Друскину, то мною, как и в прежние времена, овладевает чувство глубочайшего почтения, и я воздаю благодарность судьбе, подарившей мне благосклонность этой личности.

Лучезар Каранлыков (София)

У Михаила Семеновича удивительная человеческая доброта и участливость. И из его же мемуара: Портрет М. С. 30-летней давности, помещенный в русском издании Писем Шёнберга, сопутствует мне: «Музыка звучит для него как непоколебимый кантовский императив: “Звездное небо над нами, и нравственный закон в нас”».

Генрих Орлов (Вашингтон)

В одном из писем я назвал его «Муршидом» – Учителем, Наставником в восточной традиции, с которым ученик связан навечно. Эта связь существовала (и, подозреваю, все еще существует) помимо бесед, поучений, споров, разногласий, конфликтов и независимо от них – в другом измерении, недоступном для шума сиюминутного общения.

Однажды, спускаясь по винтовой лестнице в Союзе композиторов, я вдруг увидел перед собой Лицо: навстречу мне поднимался М. С. Это было подобно шоку. М. С. был Личностью и, как Личность, оказал на меня огромное влияние, хоть я и не могу в полной мере оценить это влияние или определить его конкретно.

Вероятно, главным для меня было просто находиться в его присутствии.

Словами это невыразимо.

Виктор Кисин (Брюссель)

Судьба подарила мне двадцать лет дружеского общения с моим Учителем. Мысленно оно продолжается.

С годами опыт этого общения прорастает в новом и неожиданном свете. Как и почему это происходит, объяснить невозможно. Предпочту сослаться на странности механизма памяти, о которых говорил мне Михаил Семёнович.

Он не пытался найти им объяснения.

Арво и Нора Пярт (Берлин)

Мы всегда радовались нашим встречам. И в те годы он как-то врос в наши сердца.

О чем же мы беседовали?... — ни о чем особенном. Эти встречи чаще всего проходили за кухонным столом с обязательной любимой им ветчиной, и рассказы сопровождалась его блестящим артистизмом. Но за этим, казалось бы, легким и часто шутливым характером разговоров, всегда чувствовалась его по-юношески нежная душа и какое-то деликатное умолчание его подспудной религиозности.

Чуткий ко всякой фальши, он был целомудренно «прикрыт». Мы не часто касались серьезных философских или религиозных вопросов, но, и в словах, и помимо слов, чувствовалось наше единое восприятие жизни — глубинное единомыслие.

Едины были мы и в наших музыкальных вкусах.

Мы очень любили Михаила Семёновича и ощущали с его стороны взаимность. Это — высокое слово, но в наших отношениях оно было уместно.

Он один из тех людей, которые навсегда остаются в сердце.

Мирра Мейлах (Бостон)

Михаил Семёнович писал, что однажды во сне прозвучал вопрос:

«Что остаётся после смерти?» — и ответ:

«Щепотка соли в одной руке и стакан с водой в другой, а на дне стакана прошлогодние листья».

Михаил Семёнович попросил разъяснить эту, как он верно определил, загадочную восточную символику. Она представляется весьма прозрачной: прошлогодние листья — символ наших бранных останков, вода — источник жизни; соль — с библейских времён стала символом верности и постоянства; потому и Христос сказал своим ученикам: «Вы — соль земли» (Мф. 5:13.). В русском языке «соль» означает и остроту — ума, высказывания и т. п., и самую суть чего-либо.

Для меня и, разумеется, не только для меня, Михаил Семёнович был и остаётся такой «солью». «Мне похвастаться нечем, — писала я Михаилу Семёновичу. — Сама-то я как тростник, клонимый ветром. Но мне повезло на помощников — видимых и невидимых. На людей, которых я люблю, и живу с ощущением их любви.

Вот и Вас я так часто вспоминаю с благодарностью, и радостью, и удивлением: как же мне повезло Вас встретить, и узнать, и не потерять, сквозь годы и тысячи миль мчась.

Свеча загорается от свечи».

Михаил Семёнович ушел без малого 14 лет назад — 20 апреля 1991 года.

Я знаю, смерть — лишь некая граница;
Мне зрима смерть лишь в образе одном:
Последняя дописана страница,
И свет погас над письменным столом.

(Владимир Набоков)

Мы очень любим Михаила Семёновича и помним его.

Дорогие друзья!

Из всех юбилейных торжеств, которые посвящались М. С. при его жизни, ему больше всего нравились и помнились те, что проходили в форме концерта с интересной программой и молодыми талантливыми исполнителями. Вот и сегодняшней вечер в честь 100-летия М. С. будет таким же.

Все организаторы концерта очень сильно надеются, что вам будет интересно, и вы получите истинное удовольствие.

Благодарю вас за внимание.

Концерты памяти М.С. Друскина

23 января,

Лютеранско-евангелическая церковь Св. Екатерины.

Музыка для органа. В программе: Бах, Брамс, Шёнберг, Пеетерс, Йонген, Шуман, Франк. Исп. — М. Мищенко

25 января,

Дом композиторов.

Камерно-вокальные и инструментальные сочинения Стравинского, Брамса, Малера, Прокофьева, Бартока.

Исп. — Н. Мажара (ф-но), В. Дмитриев (ф-но), Э. Гудвин (тенор), М. Булатов (бас-баритон), С. Мальцев (ф-но), струнный квартет (Ю. Баранова, Т. Усубов, А. Вайнштейн, В. Гаврюшов), квартет тромбонов (А. Лобиков, А. Демиденко, А. Ковальчук, А. Миляев), дирижер — Ф. Леднев, вст. слово — Л. Ковнацкая.

18 марта,

Малый зал Консерватории.

Фортепианная музыка. Исп. — В. Дмитриев, Н. Мажара, В. Радченков, Н. Серегина.

Международный симпозиум

«Музыкознание сегодня и наследие М.С. Друскина (1905 – 1991)»:

15 – 16 марта,

СПб консерватория —

Участники: Л. Акоюн (Москва), И. Барсова (Москва), Н. Герасимова-Персидская (Киев), Л. Данько (СПб), О. Дигонская (Москва), Е. Зинькевич (Киев), Л. Каранлыков (София, Болгария), А. Кёнигсберг (СПб), А. Климовицкий (СПб), Л. Ковнацкая (СПб), Л. Косма (Бухарест, Румыния), А. Милка (СПб), Е. Ручьевская (СПб), В. Смирнов (СПб), И. Хлебаров (София), Е. Царёва (Москва), М. Черкашина-Губаренко (Киев), Т. Шабалина (СПб).

17 марта,

Дом композиторов — воспоминания за круглым столом.